Annotation

Перевод героического эпоса армянского народа «Давид Сасунский» был осуществлен В. Брюсовым совместно с М. Л. Лозинским.

- Давид Сасунский
  - В. Кирпотин. Эпос «Давид Сасунский»
  - Давид Сасунский
  - Валерий Брюсов
    - К армянам
    - К Армении
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Давид Сасунский

В. Кирпотин. Эпос «Давид Сасунский»

В VII веке нашей эры Армения подверглась арабскому нашествию. Армения, разбитая на феодальные враждующие княжества, поделенная к тому же между Персией и Византией, не могла отстоять свою государственную самостоятельность. Вслед за падением персидской монархии арабы вторглись в армянские земли. Армения пыталась было найти поддержку против арабов у византийских императоров, но последние меньше всего думали об интересах армян, они смотрели на Армению так же, как и арабы, только как на объект завоевания и ограбления. Предоставленная самой себе, Армения не могла противостоять могущественному и воинственному халифату. В середине VII века арабы взяли приступом важнейший центр страны — город Двин, перебив при этом 12000 человек и уведя в плен 35000. Армения была обложена большой данью. Попытки уклониться от уплаты вызывали жестокие репрессии.

Уже в конце VII века народные массы Армении отвечают на притеснения арабов упорными восстаниями. Армянский народ пользуется всяким случаем — междуусобицами в самом халифате, его военными и международными затруднениями, чтобы выступить за свободу и независимость своей родины.

Арабам так и не удалось заставить армян подчиниться окончательно их владычеству. Их двухсотлетняя военная власть в Армении все время потрясалась восстаниями, в которых армянский народ проявлял замечательное мужество и упорство и которые приводили к очень существенным результатам. Арабы вынуждены были ослаблять свои поборы, целые районы на долгий срок получали полную самостоятельность, временами повстанцы освобождали крупные города. Всякая попытка арабов усилить гнет вызывала новый взрыв народного негодования. Во второй половине VIII века жадный и жестокий халиф Мансур стал особенно донимать армян денежными поборами, которые он выколачивал самыми свирепыми мерами. Армянский народ ответил на притязания Мансура усилением своей борьбы. Мансуру понадобились сильные подкрепления из глубины

халифата, чтобы справиться с народным движением, с которым не могли совладать оккупационные гарнизоны.

Народ не мирился со своим подчиненным положением — он непрерывно восставал против завоевателей. Страна была разорена непрерывными войнами, набегами, уводами и переселением населения городов. Культурные и торговые центры были разрушены. Положение Армении еще ухудшилось феодальными междуусобицами и дипломатическими комбинациями, в которых нередко господствующие классы приносили в жертву интересы страны.

В этой борьбе особенно проявил себя округ Сасун, хорошо защищенный труднопроходимыми горами. Народ, никогда не считавший свое порабощение окончательным, сложил вокруг эпизодов борьбы Сасуна ряд замечательных сказаний, воплотивших его стремление к национальной независимости.

Так сложился былинный эпос «Давид Сасунский» (Давид из Сасуна; на армянском языке — *«Сасунци Давид»*). Эпос этот до сих пор рассказывается в деревнях и городах Армении. Его исключительная популярность объясняется совершенно определенными причинами: «Давид Сасунский» посвящен борьбе с нашествием иноплеменных завоевателей за национальную независимость Армении, а тема эта имела для армянского народа колоссальное значение непосредственной актуальности на протяжении многих и многих столетий. В «Давиде Сасунском» воплощены замечательные черты армянского народа — мужество, доблесть, героическое бесстрашие в борьбе с врагами — и, наконец, в этой былине народ выразил свои, еще недостаточно оформленные, представления о довольной и счастливой жизни. Былина о Давиде Сасунском по своему художественному совершенству является одним из лучших образцов мирового народного эпоса.

Историческую основу эпоса очень легко разглядеть. Иноземный завоеватель Мысрамэлик обирает родину Давида:

Мысрамэлика ж посол, именем Козбадин,
Пришел, отворил ворота казны
И казну считал, унести хотел…
Как завидел Давид, Кровью взор налился,
Рассердился, сказал:

«Ты встань, Козбадин, а я буду считать!»
Не встал Козбадин.
Занес руку Давид, его за руку взял
Да как бросит его до самых дверей,
А сам присел и меру — вверх дном,
Палкой дно высадил,
Золото высыпал;
Не оставил ни денежки,
Пустую меру повернул, сказал: «Это — раз!»
Козбадин говорит:
«Ован, отгони мальчишку прочь.
Надо платить, так плати подать за семь лет,
Коли нет, так пойду, Мысрамэлику скажу.
Он придет и Сасун разгромит, разобьет,
За Мысыром другой он построит град».
Рассердился Давид, он на ноги встал,
Козбадина в лоб он мерою — хлоп,
И губы прочь отрезал ему,
И зубы в лоб ему вбил да сказал:
«К Мысрамэлику ступай, ему дай ответ,
Пусть что хочет он, то теперь и творит».

(Пер. В. Брюсова.)

Исторические факты свидетельствуют, что народ очень часто подымался против арабских властителей вследствие деспотического гнета, непомерных и жестоких поборов.

В дальнейшем сюжет сказания представляет собой историю борьбы Давида с нашествием Мысрамэлика и историю его победы. Мысрамэлик выведен сильным врагом, у него большое войско, он сам богатырь, человек исполинской силы, но Давид все же побеждает его.

Давид побеждает, потому что он выражает силу и правду народа, потому что он обладает многими качествами, физическими и нравственными, в которых народные массы видят воплощение своего идеала. Как былинные богатыри у других народов, в том числе и у русских, Давид обладал неимоверной физической силой; он

мужественен, храбр, любит свою страну и свой народ, — не щадя трудов и усилий, не щадя своей жизни, он защищает их независимость и благоденствие. Давид честен, прям, даже по отношению к врагам, — он не хочет одолеть Мысрамэлика хитростью, он зовет его на открытый честный бой, он добр, жалостлив к страданиям других. Слабость Давида — его легковерие, Давида нельзя победить в открытом бою, но его можно взять хитростью.

Легковерие и погубило Давида — уже после того, как он уничтожил Мысрамэлика и освободил армян.

Давид уже с детства проявлял богатырскую силу. Замечательно, однако, что народный эпос превращает его в сложившегося богатыря только после того, как он выступил на защиту национальной независимости. Вначале богатырские доспехи оказались Давиду не по мерке. Пояс обвил его стан сорок раз, меч-молния стучал по земле, головной убор сползал на глаза. Чтобы одеть этот убор на себя, Давиду пришлось подложить сорок пудов ваты. Когда же Давид выступил против Мысрамэлика, он напился из молочного ключа, на который ему указал его боевой конь. Волшебная вода преобразила Давида:

Так-то он пополнел,
Так-то он растолстел,
Столько силы вошло, столько мощи в него,
Что и выше он стал, чем был до того.
Тогда взял Давид головной убор,
Ваты сорок пуд на землю швырнул,
Шапка и тогда до бровей не дошла!
Молнию-меч, что стучал по земле,
Надел: не дошел он ему до колен;
Пояс-ал, что его сорок раз обвивал,
Надел: только раз он спину обвил.

(Пер. В. Брюсова.)

Так народная символика изображает, как национальное воодушевление и патриотическое сопротивление завоевателю удесятеряют силы народа.

Очень характерно отношение народа к женщине, проявляющееся в былине. Женщина на Востоке была более порабощена, чем в европейских странах. В «Давиде Сасунском» женщина выступает как уважаемый и деятельный человек. Давид не захотел жениться по сватовству на Чымышкик-султан, хотя она была богатырша и хороша собой. Он женился по любви на Хандут-хатун. Хандут-хатун выходит за Давида не насильно, не по правилам обычая, а по своему свободному выбору. Женщина в народном представлении умеет владеть оружием, — Хандут-хатун принимает участие в сражениях. Зато свободная любовь независимой женщины рисуется как навеки верная и нерушимая. Хандут-хатун не пожелала пережить Давида:

Хандут-хатун чашу с ядом взяла,
От тоски по Давиде она умерла.

(Пер. М. Лозинского.)

Есть еще одна замечательная черта в «Давиде Сасунском», на которую следует обратить внимание. В эпосе, родившемся в борьбе за независимость, нет националистической ненависти. Армянский народ, перенесший столько страданий от иностранных нашествии, не видел врагов в крестьянах, пастухах, ремесленниках-арабах и других пришельцев-завоевателей. Они понимали, что людей труда согнали в военное ополчение насильно. Давид, опустошительной бурей сея смерть, обрушился на стан врагов:

Два раза проскакал и вперед и назад,
Словно крови поток поднялся и потек,
Скольких меч порубил, стольких конь потоптал.
Был в том войске мудрец, седой старик,
Пред Давидом он стал, Давиду сказал:
«Ты зачем, Давид, убиваешь людей?
У всех-то у них ведь матери есть;
Сюда Мысрамэлик нас силой привел,
Коли ты удалец, поди, с ним повоюй».

(Пер. В. Брюсова.)

Давид отказывается от борьбы с ополчением врага, согнанным силой, а решает спор единоборством с Мысрамэликом. Победив хищного врага своего народа, Давид обращается к войску арабов со следующими превосходными словами: «Я не хочу чужого добра, я не стремлюсь завоевать чужие земли, вернитесь в свои края и займитесь честным трудом».

Давид хотя и был сыном царя, прошел школу подлинно народной жизни. Он жил гонимым пасынком у своего врага, он был пастухом.

В «Давиде Сасунском» много особенностей, вообще характерных для былинного эпоса. Персонификация событий народной жизни и черт характера целого народа, при младенческом уровне его мировоззрения, с естественной необходимостью приводит к гиперболическому выражению физических и психологических свойств богатыря. В этих гиперболических преувеличениях выразилось представление о силе и мощи народа. Они объясняются уровнем сознания народа и легко сочетаются с общим реалистическим характером языка. Язык его прост, ясен, точен, действие не затемнено, эпопея пронизана сознанием подлинности и исторической важности развертывающихся в ней событий.

В. Кирпотин

Давид Сасунский

1

Мир господень тебе, — Абамэлик,
Мир господень тебе, — Санасар,
Мир господень тебе, — Багдасар,
Мир господень тебе, — Мэликсет,
Мир господень тебе, — Дзенов-Ован,
Мир господень тебе, — Цыран-Вэрго,
Мир господень тебе, — Тырлан-Давид,
Матерям и отцам тех, пред кем я пою.

2

Скончался когда Давида отец,
С Мысрамэликом мать пошла под венец,
Остался Давид и сир и млад,
Дядья собрались, промеж себя говорят.
Ован говорит:- Цыран-Вэрго,
Ты ль Давида возьмешь, или я возьму? —
Вэрго говорит: «Есть сын у меня,
Ты возьми, содержи, сделай сыном его».
Взял Давида Ован и его содержал,
Был Овану Давид как духовный сын.

3

Только месяц прошел, стосковалася мать,
Послала она за сыном гонцов.

И в дому у нее поселился Давид.
Каждый день булаву Мысрамэлик метал,
И Давида мать ему говорит:
— Мое дитя с собой возьми. —
Мысрамэлик в ответ: «Я его не возьму.
А ну как в него попаду и убью?
Люди скажут, что я дитя волей убил».
Но Давида мать опять говорит:
— Чтоб не плакать ему, ты возьми, пусть убьешь. —
Мысрамэлик с собой Давида повел,
Поставил его вдалеке на лугу.
И пошли удальцы метать булаву.
Мысрамэлик свою метнул булаву,
Давид привстал,
Руку простер, булаву поймал.
Мысрамэлик тогда прогневался, сказал:
«День придет, на меня он войной пойдет!»
Мысрамэлик домой, разгневан, пришел,
Принахмурил бровь, сидит и молчит.
Тут жена говорит:
— Почему ты молчишь, разгневан сидишь? —
Он жене в ответ: «Да мне что ж сказать?
Пред людьми твой сын меня осрамил».
Говорит жена: — Да что сделал он? —
«Как я нынче свою метнул булаву,
Давид привстал,
Руку простер, булаву поймал».
Та в ответ: — Он же мал, еще несмышлен. —
Мысрамелик тогда жене говорит:
«Коли мал Давид, еще несмышлен,
Ты со златом прибор поставь перед ним
И с углями прибор поставь перед ним.
Коли мал Давид, еще несмышлен,
Красный угль он возьмет, злата он не возьмет».
И со златом прибор и с углями прибор
Был поставлен тогда пред Давидом на стол,
Руку поднял Давид, хотел золото взять,

Руку ангел отвел, положил на огонь.
Палец к углю прижал и палец обжег,
Палец в рот положил и язык обжег,
Как язык он обжег, мало — он онемел.
И его стали звать — заика-Давид.

4

Мысрамэлик не стал Давида держать,
И к дяде назад вернулся Давид,
Из железа Ован сапоги заказал,
Из железа Ован посошок припас,
И стал Давид с той поры пастухом.
Из железа Давид надел сапоги,
Из железа Давид захватил посошок,
И в поле Давид ягнят погнал.
Оставил Давид среди поля ягнят,
Сколько было волков, зайчат и лисиц,
И всяких в окружных лесах зверей,
К себе притащил, со стадом смешал,
Под вечер погнал и в город привел.
Как увидел Сасун, испугался весь град,
Все — врата на замок, из домов нейдут.
Давид положил на камень лицо,
На земле сырой среди поля уснул.
На заре Ован сам к нему пошел.
Видит: много тот по горам гулял:
Износился его из железа сапог,
Изломалась его из железа клюка.
Говорит: — Давид, как твои дела? —
Тот в ответ: «Любо мне стадо черных ягнят,
Но не любо мне стадо серых ягнят,
Было трудно мне их в лесах собирать»,
Ован говорит: — Ты серых оставь,
Они — прокляты,

Тех, что сами пойдут, ты гони домой!
Стал на день еще Давид пастухом.
По горам опять погнал ягнят.
Сколько тигров нашлось, медведей и львов,
К себе притащил, со стадом смешал,
Под вечер погнал и в город привел.
Как увидел Сасун, испугался весь град,
Все — врата на замок, из домов нейдут.
Давид на-земь лег, до утра проспал.
а заре сошлись горожане все,
Говорят: — Слушай нас, Дзенов-Ован!
Этот мальчик твой весь наш град разбил,
Боимся мы его волков,
И зайцев тех, и медведей. —
Ован говорит: «Коль боитесь вы,
Пойду, приведу Давида домой».
Пошел, привел Давида домой,
От хлеба ключи, от еды ключи
Давиду отдал и ему сказал:
— Коль гости придут, ты хлеба им дашь,
А хлеб как съедят, до ворот проведешь.

5

Так месяц прошел, и другой прошел…
Ована тогда жена, Сариэ,
Ибо мальчик Давид красивым был,
Заглядясь на него, ему говорит:
— Ты должен ко мне в опочивальню прийти. —
Но ей в ответ Давид говорит:
«Ведь ты — моя мать, а я тебе — сын».
Сариэ говорит: — Пойду голову мыть,
А Давид пускай на меня воду льет,
Как тело мое увидит Давид,
Так в сердце его и грех войдет. —

И Давида зовет, пусть он воду льет.
Но глаза свои Давид прикрыл,
Чтобы наготы не видать, греха не принять,
Так, глаза закрыв, он и воду лил.
Как помылась тогда Ована жена,
Повернулась она, увидала она,
Что плотно закрыл Давид глаза;
Зарыдала она, стала волосы рвать,
Все лицо свое разбила в кровь,
Домой пошла и села там,
Пока ее муж не пришел домой.
Ован говорит: — Что с тобой, жена? —
Та ему в ответ: «Как иначе быть?
То-то верила я, ты сына дал,
И не знала я, ты мне мужа дал».
Ован говорит: — Эй, смотри, жена!
Быть не может так, говоришь ты ложь. —
Жена в ответ: «Говорю я не ложь.
Давид на меня сам руку занес,
Но я тогда ему не далась».
— Коль так, к вечеру я прилажу дверь. —
Ован к вечеру приладил дверь,
Пришел Давид, увидал, говорит:
«Мог бы, дядя, я ударить ногой,
И дверь и ты сам провалились бы вдруг,
Но как же мне быть, не ты виноват,
Но злая жена обманула тебя».

6

Сделал Давид себе стрелы и лук,
На охоту пошел за город в поля,
То ли каждый день охотится он,
Убивает он перепелов, воробьев,
К старухе одной под вечер идет,

Той, что милой была его отца.
Старуха та ему говорит:
— А зачем ты, Давид, по моей гречe ходил!
По гречe ходил, мою гречу помял. —
Давид говорит: «А как же мне быть?»
Старуха тогда Давиду в ответ:
— Ведь был твой отец могучим царем,
И много имел скота и добра.
А как помер отец, и по сей самый год
Мысрамэлику Ован податей не платил.
Мысрамелик теперь за ними пошлет,
И заплатит Ован подать за семь лет.
Уснул Давид и спал до зари:
На рассвете встал, лук и стрелы взял,
На гречу пошел, перепелку убил.
Мысрамэлика ж посол, именем Козбадин,
Пришел, отворил ворота казны,
И казну считал, унести хотел.
Старуха пошла, увидала посла
И что в гречe Давид перепелку убил,
Говорит: — Давид, чтоб тебе да пропасть!
Только есть у меня, что греча моя,
Хлеба куска ты лишаешь меня.
Если ты удалец, так поди, посмотри,
Мысрамэлика посол, именем Козбадин,
Там отца твоего уносит казну. —
Давид ей в ответ: «А где он? Покажи».
Старуха тогда Давида повела,
Вернулась сама, а Давид увидал,
Что посол Козбадин считает казну.
Как завидел Давид,
Кровью взор налился,
Рассердился, сказал:
«Ты встань, Козбадин, а я буду считать!»
Не встал Козбадин.
Занес руку Давид, его за руку взял
Да как бросит его до самых дверей.

А сам присел и меру — вверх дном,
Палкой дно высадил,
Золото высыпал,
Не оставил ни денежки,
Пустую меру повернул, сказал: «Это — раз!»
Козбадин говорит:
— Ован, отгони мальчишку прочь,
Надо платить, так плати подать за семь лет,
Коли нет, так пойду, Мысрамэлику скажу,
Он придет и Сасун разгромит, разобьет,
За Мысыром другой он построит град. —
Рассердился Давид, он на ноги встал,
Козбадина в лоб он мерою — хлоп,
И губы прочь отрезал ему,
И зубы в лоб ему вбил да сказал:
«К Мысрамэлику ступай, ему дай ответ,
Пусть, что хочет он, то теперь и творит».

7

Поднялся Козбадин, к Мысрамэлику пошёл.
Женщины глядят: Козбадин идет,
Словно рот он открыл, хохочет точь-в-точь.
Говорят: «Вот, забрал подать за семь лет».
Козбадин как пришел, близко к ним подошел,
Увидали они: у него губ-то нет,
И зубы его ему вбиты в лоб.
Тут они говорят:
«Ты отколь, Козбадин, вперевалку бредешь?»
Козбадин им в ответ:
«Что вам знать, я отколь вперевалку бреду.
От Сасунской страны наводнению быть».
К Мысрамэлику потом пошел и сказал:
«Не дает нам Давид подать за семь лет,
О тебе говорит: пусть что хочет творит».

Мысрамэлик послал бирючей ходить,
Войска собирать, повсюду кричать:
«Мне должно собрать полторы тысячи
Новорожденных детей,
Мне должно собрать полторы тысячи
Безусых юнцов,
Мне должно собрать полторы тысячи
Темнобородых мужей,
Мне должно собрать полторы тысячи
Белобородых мужей».
Сказал, собрал, в одно место всех свел,
Войско повел в город Сасун,
Палатки свои среди поля разбил
И к Овану своих гонцов послал.
Говорит: — Ован!
Коли подать платить, по чести плати,
Не заплатишь — пойду, разгромлю Сасун,
За Мысырой другой построю я град. —
Говорит Ован: «Не хотим воевать,
Кто готов воевать, так только Давид,
Потерпи, погоди, мы спросим его».
Давид говорит: «Казны отца не отдам,
Мысрамэлик пускай что хочет творит».
Давиду Ован тогда говорит:
— Коли так, Давид, в эту ночь они
Придут, нападут, разгромят наш град.
Давид в ответ:
«Все идите домой, ложитесь спать,
А я на заре пойду воевать».

8

Разгневился Давид,
Всю ночь он не спал,
На рассвете встал, лук и стрелы взял.

Как собрался пойти, старуха ему:
— Давид, ты куда? — А Давид в ответ:
«С Мысрамэликом я воевать иду!»
— Что же есть у тебя? только стрелы и лук?
С Мысрамэликом ли так хочешь ты воевать? —
«Да ведь нет у меня ни коня, ни меча».
Старуха в ответ: — Да побьет тебя Грох![1]
Достоин ли ты отца своего!
У отца твоего был конь Джалали,
Молния-меч,
Головной убор,
Золотой кафтан,
Пояс ал,
Божья матерь была Марутская с ним,
Патараза[2] крест в деснице его. —
Говорит Давид: «Где, старуха, все?»
— Пропади твой дом, отнял дядя все!
Не отдаст добром он твоих вещей.
Ты поди, схвати дядю за'-ворот,
На своем настой, силой все возьми! —
К Овану тогда Давид пошел,
Руки поднял, дядю за'-ворот взял,
Так что ноги того от земли взнеслись,
«От тебя, говорит, дядя, требую:
Божью матерь верни мне Марутскую,
Патараза крест, что в десной был отца,
Коня Джалали,
И меч-молнию,
Головной убор,
Золотой кафтан,
Алый пояс мой!
Не отдашь добром, возьму силою!»
Тут Ован в ответ:- Пропади, Давид!
Не твои то слова — подучили тебя.
С того самого дня, как твой помер отец,
Я не видел нигде коня Джалали,
Мысрамэлика страшась, его в стойле держал;

Мысрамэлика страшась, я заделал дверь,
Через ердик[3] ему мы корм даем.
Если силен ты, если властен ты,
Так поди: пред тобой — дверь раскроется. —
Пошел Давид, ударил ногой,
Ударил ногой, и распалась стена.
Хотел потрепать коня по бедру,
Но, Давида конь не признав, взметнул,
По стене лягнул, — та обрушилась.
Зарыдал Давид, зарычал, говорит:
— Ах, что делать мне, чей ты, конь Джалали!
Думал я, ты меня на войне спасешь. —
Повелел господь, конь в ответ сказал:
«Коли так, Давид, послужу я тебе.
С того самого дня, как твой помер отец,
Твой дядя Ован ходил за мной,
Содержал меня как будто в тюрьме,
Ты ж скребницей меня хорошенько почисть».
Потрепал Давид коня по бедру,
Был кругом от кур по локоть помет,
Но вывел коня под солнце Давид;
Поскакал и стал у ворот дворца.
Вышел дядя Ован, все, что должно, принес:
Головной убор,
Золотой кафтан,
Пояс ал
И меч-молнию.
Говорит: — Давид, Патараза крест
В сундуке лежит.
К сундуку пойди,
На колени стань,
Богу помолись.
Коль, подобно отцу, праведен ты,
На десницу твою сам придет, возблестев,
Патараза крест.
И Давид пошел, на колени стал,
На колени стал, зарыдал, завыл…

Повелел господь: Патараза крест
Полетел и сам на десной осел.

9

Сел Давид тогда на коня Джалали,
И надел отцов головной убор,
И надел отцов золотой кафтан,
Повязал себе и меч-молнию,
Окрутил вокруг также пояс-ал.
Спину сорок раз пояс тот обвил,
По земле стучал тот меч-молния,
На глаза сползал головной убор
(Ваты сорок пуд подложить пришлось,
Чтобы тот убор на себя надеть!).
Поскакал Давид, за оградой стал,
Стал да слушает,
Что ему в тот час дядя вымолвит.
Говорит Ован:
— Уж как жаль, сто раз жаль
Коня Джалали!
Уж как жаль, сто раз жаль
Головной убор!
Уж как жаль, сто раз жаль
Золотой кафтан!
Уж как жаль, сто раз жаль
Тот наш пояс-ал!
Уж как жаль, сто раз жаль
Наш меч-молнию!
Уж как жаль, сто раз жаль
Патараза крест!
Уж как жаль, сто раз жаль
Того нашего, того мальчика. —
Говорит Давид:
«Исполать тебе, что меня помянул.

Кабы ты меня помянуть забыл,
Раньше битвы я тебя бы убил!»
Так сказал, поскакал, в поле выехал.
Повелел господь, сказал конь Джалали:
— Ты скачи, Давид, где молочный ключ.
Там, где стану я, ты с меня слезай. —
Поскакал и стал, где молочный ключ,
Но Давид забыл и с коня не слез,
Лишь подумал Давид, что конь устал,
В бок ударил его и сломил ребро.
Рассердился конь и проржал-сказал:
«Мог бы, к солнцу взнесясь, я тебя спалить,
Как ты скоро забыл мои слова!
Но во имя отца я тебя пощажу,
Ты скачи, Давид, где железный столб,
Ты ударь мечом о железный столб,
Коли срубишь столб, мы поскачем в бой, —
Коль не срубишь столба, мы вернемся назад».
Тогда с коня слезает Давид,
Молочным ключом его бок целит,
Сам напился воды и хлеба поел,
Над молочным ключом уснул, захрапел.
Только час проспал, — удивился, как встал:
Так-то он пополнел,
Так-то он растолстел,
Столько силы вошло, столько мощи в него,
Что и выше он стал, чем был до того.
Тогда взял Давид головной убор,
Ваты сорок пуд на землю швырнул,
Шапка и тогда до бровей не дошла;
Молнию-меч, что стучал по земле,
Надел: не дошел он ему до колен;
Пояс-ал, что его сорок раз обвивал,
Надел: только раз он спину обвил.
Поскакал Давид, где железный столб,
Ударил мечом о железный столб,
Разрубился столб от удара меча.

Въехал Давид на вершину горы,
Посмотрел кругом, что-то видно вкруг.
Сколько есть в небесах лучистых звезд,
Мысрамэлик в полях наставил шатров.
Увидал Давид, испугался, сказал:
— Славен будь, господь, милосердый бог,
Да будет воля твоя,
Только как же мне быть?
Если б ватой они все сделались вдруг,
А я стал бы огнем, не пожечь мне их всех.
Если б агнцами все они сделались вдруг,
А я волком бы стал, не пожрать мне их всех.
Джалали говорит: «Ты не бойся, Давид!
Сколько скосишь мечом, я скошу хвостом,
Что скосить мечу, я копытом скошу.
Лишь на мне усиди и не дайся в обман».
Говорит Давид: — Только как же мне быть?
Тайком подползать, — скажут, вышел, как тать,
Итти прямо к врагам, испугаюсь я сам. —
Так подумал Давид, потом так кричит:
— В шатре кто спит, да проснется тот,
Проснулся кто, да скорей встает,
Поднялся кто, да броню берет,
Броню кто надел, да несет седло,
Оседлал кто коня, да садится в седло,
И, чур, не кричать, что пришел я, как тать! —
Так сказал, поскакал полетел на войска,
Два раза проскакал и вперед и назад,
Словно крови поток поднялся и потек,
Скольких меч порубил, стольких конь потоптал.
Был в том войске мудрец, седой старик,
Пред Давидом он стал, Давиду сказал:
«Ты зачем, Давид, убиваешь людей?
У всех-то у них ведь матери есть,
Сюда Мысрамэлик нас силой привел,
Коли ты удалец, поди, с ним повоюй».
Говорит Давид: — Где его шатер? —

Старик говорит: «Вон зеленый шатер».

10

Пред зеленым шатром Давид стал, сказал:
— Мысрамэлик, выходи, драться иди.
Коль бессмертен ты, тебе смерть я принес,
Коль без Гроха ты, тебе Гроха принес. —
Мать Давида тогда ему говорит:
«Мысрамэлик в постели спит,
Семь дён ему спать, только три проспал».
Давид говорит: — Что за дело мне!
Разбудите его, ему драться пора. —
Тут огонь несут, большой вертел жгут,
Да им по ногам Мысрамэлика бьют.
Мысрамэлик во сне закричал, сказал:
— Нынче плохо мне постлали постель,
Укусила меня блоха во сне. —
А Давид ему говорит: «Вставай!
Ведь то не блоха, пред тобою — я».
Мысрамэлик не встал и опять уснул.
Тут огонь несут, плуга ле'мех жгут,
Да им по ногам Мысрамэлика бьют.
Мысрамэлик во сне закричал, сказал:
— Нынче плохо мне постлали постель,
Укусила меня блоха во сне. —
А Давид ему говорит: «Вставай!
Нынче со мной должен драться ты».
Мысрамэлик тут встал, Давида узнал,
На него дохнул, думал, тот полетит,
Но Давид на коне остался стоять.
Мысрамэлик тогда Давиду оказал:
— Приходи, Давид, поедим с тобой,
Поболтаем вдвоем, а там драться начнем.
Дался тогда Давид в обман,

С коня он слез, а конь убежал,
Рассердясь, ускакал на вершину горы.
Мысрамэлик меж тем велел яму изрыть, —
Глубиной она была в сорок мечей,
Прикрыта была она сеткой поверх,
А на сетку ту постлали ковры.
Давида тогда посадили туда,
Он в яму упал, Мысрамэлик же сказал:
— Так вот как, Давид, ты подрался со мной,
Оставайся там, пока кости сгниют.

11

Дзенов-Ован видел ночью сон:
Мысыра звезда ясна была,
Сасуна звезда покрылась тьмой.
Проснулся Ован, жене сказал:
— Поднимайся, жена, я видел сон,
Мысыра звезда ясна была,
Сасуна звезда покрылась тьмой,
Погиб наш Давид! —
Жена говорит: «Пропади твой дом!
Сам ты спишь, а во сне все видишь других».
Уснул Ован, вновь увидел сон:
Мысыра звезда ясна была,
Сасуна звезда померкла совсем.
Проснулся Ован, жене сказал:
— Поднимайся, жена, я видел сон:
Мысыра звезда ясна была,
Сасуна звезда померкла совсем,
Погиб наш Давид! —
Жена говорит: «Пропади твой дом!
Чего ты не спишь и мне спать не даешь?»
Уснул Ован, вновь увидел сон:
Мысыра звезда ясна была

И Сасуна звезду поглотила совсем.
Проснулся Ован, жене сказал:
— Поднимайся, жена, Давид убит! —
Жена говорит: «Ох, чего ты не спишь?
Видно, млеешь во сне с красоткой какой!»
Рассердился Ован, пхнул жену ногой,
Жена поднялась и свет зажгла.
Ован говорит: — Подай меч и щит! —
Жена подала, и Ован их надел,
Сам пошел, отворил в конюшню дверь,
Ударил в бедро коня Белого
(Прикоснулся конь животом до земли),
Говорит: — Белый конь, как поскачешь ты,
Скоро ль ты довезешь меня, где Давид? —
Конь в ответ: «Донесу я тебя до зари».
Говорит Ован: — Поганым будь корм,
Каким досель я тебя кормил. —
Ударил в бедро коня Рыжего
(Прикоснулся конь животом до земли),
Говорит: — Рыжий конь, как поскачешь ты,
Скоро ль ты довезешь меня, где Давид? —
Конь в ответ: «Донесу я тебя в один час».
Говорит Ован: — Поганым будь корм,
Каким досель я тебя кормил. —
Ударил в бедро Вороного коня,
Не коснулся конь животом до земли.
Облобызал Ован Вороного коня,
Говорит: — Вороной, как поскачешь ты,
Скоро ль ты довезешь меня, где Давид? —
Конь а ответ: «Ухватись за меня посильней.
Только станешь ногой ты в стремя одно,
А другую взнесешь, чтоб в другое попасть,
Донесу я тебя туда, где Давид».
Сел Дзенов-Ован на Вороного коня,
Только стал ногой на стремя одно,
А другую занес, чтоб в другое попасть, —
А уж конь Вороной полетел, как огонь,

Домчался и стал на вершине горы.
Лишь конь Джалали его увидал,
Громко заржал, к нему подскакал.
Испугался Ован, про себя сказал:
«Если конь убежал, так Давид убит»,
И Дзенов-Ован тогда закричал,
По горам и долам его крик прозвучал:
— Эй, где ты, Давид! Помяни теперь
Ты Марутскую богородицу,
Патараза крест, что в десной твоей!
Давид услыхал тот Ована крик,
Давид расслыхал и сказал тогда:
«Ты, Марутская богородица,
Патараза крест, что в десной моей!»
Так он раз сказал, телом всем тряхнул.
Повелел господь — и распалась цепь,
И из ямы Давид тогда выскочил.
Мысрамэлик к нему подойти не посмел,
Ован же позвал: «Поди сюда, Давид!»
Давид на тот зов к Овану пришел,
Ему Ован коня подвел,
Сел Давид и сказал:
«Отправляйся теперь ты, дядя, домой,
С Мысрамэликом я пойду воевать».

12

К Мысрамэлику Давид прискакал, сказал:
— Мысрамэлик, меня ты тогда обманул,
А что же теперь станешь делать ты? —
Мысрамэлик сказал: «Ну, иди, садись».
Но Давид говорит: — Нет, нам драться пора, —
Мысрамэлик ему: «Чур не сразу, в черед».
Давид говорит: — Будем драться в черед. —
Мысрамэлик ему: «Чур, мой первый черед».

Давид говорит: — Пусть твой первый черед. —
Пошел Давид, на площади встал.
Мысрамэлик махнул, пустил булавой.
Над Давидом пыль поднялась столбом,
И солнечный лик застлала пыль.
Мысрамэлик сказал:
«Был прахом Давид, стал прахом Давид».
Но Давид в ответ: — Нет, еще я тут.
Ты ступай опять булавой метать. —
Мысрамэлик махнул, пустил булавой,
Над Давидом пыль поднялась столбом,
И солнечный лик застлала пыль.
Мысрамэлик сказал:
«Был прахом Давид, стал прахом Давид».
Но Давид в ответ: — Нет, еще я тут,
Ты ступай опять булавой метать. —
Мысрамэлик в третей пустил булавой.
Как осела пыль, Давид говорит:
— Все еще я тут, но черед уж мой. —
Мысрамэлик сказал: «Давид, подожди.
Вырыть яму хочу в сорок верст глубиной,
В эту яму хочу опуститься на дно,
Сорок я навалю жерновов на себя,
Сорок я наложу шкур волов на себя».
Давид говорит: — Что же, рой, накрывай,
Как любо тебе, так ты поступай.

13

Мысрамэлик сидит в той яме на дне,
Сорок он навалил жерновов на себя,
Сорок он наложил шкур волов на себя.
Разбежался Давид — ударить хотел.
Мать Давида пришла, ему говорит:
«Разве грудью тебя не кормила я?

Ты уважь меня, этот раз не бей».
Согласился Давид и уважил мать.
Разбежался Давид, взмахнул булавой.
Мысрамэлика сестра пришла, говорит:
«Не носила ль тебя я, Давид, на спине?
Ты уважь меня, этот раз не бей».
Согласился Давид и уважил ее;
Только раз один остался ему.
Разбежался Давид, взмахнул булавой,
Давида сестра пришла, говорит:
«Ты уважь меня, этот раз не бей».
Но Давид в ответ: «Нет, черед уж мой!»
Божье имя тогда, Давид помянул,
Марутскую он божью мать помянул,
Патараза крест на десной своей,
Ударил лишь раз Давид булавой.
Повелел господь: как ударил Давид,
Он сорок пробил тогда жерновов,
Он сорок пробил воловьих шкур
И полголовы Мысрамэлику снес.
Мысрамэлик сказал: — Еще я тут. —
Но Давид в ответ: «Ты всем телом тряхни».
Мысрамэлик тогда всем телом тряхнул,
На две части он развалился весь:
Половина — там, половина — здесь.
Прекратилась так Мысрамэлика жизнь.

14

Прошел на этом год;
Дзенов-Ован сказал:
«Мысрамэлика ты одолел, Давид,
Пойду я тебе сосватать жену».
Сосватал Давиду Чымышкик-султан.
Чымышкик-султан богатырша была,

Неповенчана, хороша собой.
Да пришли в эту пору два певца,
Восхвалили Давиду Хандут-хатун.
Говорили так:
«Бела ли она, спросишь ты, —
Словно снег бела, ай, бела.
Нежна ли она, спросишь ты, —
Словно вата нежна, ай, нежна.
Что за брови у ней, спросишь ты, —
Пером писаны, ай, как писаны.
Что за очи у ней, спросишь ты, —
Две китайские чаши, китайские.
Лоб широк ли у ней, спросишь ты, —
Сем пядей, да прибавь, ай, еще прибавь».
Услыхал Давид эту песню, сказал:
«Не пойду я, дядя, к Чымышкик-султан,
А пойду я к Хандут-хатун».
Дядя сказал: «Уж семь лет сидят
Сорок витязей под ее крыльцом.
А ты пройдись под ее окном:
Подарок даст тебе — войдешь;
Не даст — вернешься, домой придешь».

15

Давид вскочил на коня,
Погнал, помчал под окно Хандут-хатун.
Хандут-хатун, только взгляд упал,
Увидала Давида, обрадовалась,
В него кинула с радости яблоком.
Яблоко Давид с седла поймал,
По душе ему это яблоко.
Погнал, помчал к ее вратарю.
Вратарю имя было Амдол;
Одна губа свисала на грудь.

Давид, как увидел его, оробел.
Отродясь никому не кланялся он,
Со страху отвесил Амдолу поклон.
Амдол этот сорок лет
Как вратарем был тех мест,
Ни на чей поклон не ответствовал.
Как увидел в тот день Давида он,
Оробел, ответил ему на поклон.
Давид сказал:
«От матери как родился я,
Никому еще я не кланялся.
Сегодня Амдола увидел я,
Со страху ему поклонился я,
Ай, со страху ему поклонился я».
Амдол сказал:
«Сорок лет я здесь был вратарем,
Ни на чей поклон не ответствовал.
Сегодня Давида увидел я,
Со страху на поклон ответил я,
Ай, со страху на поклон ответил я».
Давид сказал: «Благословен господь.
Ты со страху ответил на мой поклон,
И со страху тебе поклонился я.
Кабы ты со страху не ответил мне,
Убила бы кручина сердце мое».

16

Так он сказал, погнал, помчал,
Прискакал к сорока этим витязям.
Сорок витязей ради Хандут-хатун
Всё на том же месте семь лет сидят.
Ни одному не обещалась Хандут-хатун,
А в Давида кинула яблоком.
Рассердились они, сказали так:

«Мы здесь сидим вот уже семь лет,
И подарка нам не дала она.
А подъехал Сасунский Давид-репоед,
Не взглянув, в него кинула яблоком».
Пошел Давид и сел туда;
Накрыли стол, принесли обед,
А скатерть они постлали тайком:
Каждый под скатерть положил свой меч.
Принесли гранатное, семи лет, вино.
Как большие корыта — чаши у них.
Налили Давиду — выпил Давид;
Налили снова — Давид сказал:
«Братцы мои, ведь так нельзя.
Давайте пить всякий в свой черед.
Опьянеет кто, тот пускай лежит,
Кто не будет пьян, тот пусть тешится».
Только где же им да с Давидом пить,
Пить гранатное, семи лет, вино?
Стали пить они, опьянели все,
Прилегли они по своим местам.
Сказал Давид своему слуге:
«Встань, убери эту скатерть прочь,
Будет грешно затоптать хлеба».
Слуга как встал, скатерть убрал,
Увидел пред каждым оголенный меч,
Что под скатертью они спрятали.
Давид руку простер, собрал мечи,
Прижал к колену, сломал их враз,
Как иной ломает щепотку спиц,
Передал слуге своему, сказал:
«Снеси-ка да кинь в хурджин[4] коню.
Ведь это хорошая сталь-булат,
Накуем для коня гвоздей, подков».

Пошел ночью Давид в дом к Хандут-хатун,
Проспал у нее до утра
Поутру он встал, умыться пошел.
Хандут-хатун принесла воды,
Воду на руки ему пролила.
Давид обнял ее, целовать хотел,
Не дала она целовать себя,
Кулаком его в рот ударила,
Так что кровь с водой пошла изо рту.
Давид сказал: «Хандут-хатун, взываю к богу я,
Сколько звезд до зари в небесах видать,
Пусть столько шатров окружат твой град,
Пусть все будут враги твоему отцу».

18

Сколько звезд до зари в небесах видать,
Столько было разбито палаток-шатров
Вокруг града отца Хандут-хатун,
Всё враги то отцу Хандут-хатун.
Поутру сказала Хандут-хатун:
«Кто выйдет в бой?»
И сказали те сорок витязей:
«Кто выйдет в бой?
У кого твой подарок, тот выйдет в бой,
Или, хочешь, вели, мы выйдем в бой».
Поутру поднялся Давид,
На коня Джалали сел, вышел в бой,
Вправо хватил, влево хватил — полвойска разнес.
К вечеру воротился к Хандут-хатун.
На другой он день снова вышел в бой.
Не под силу им бой с Давидом был.

19

Стали враги совет держать.
Халапского царя снарядили послом
К Дзенов-Овану в град Сасун.
Сказали ему: «Известно нам,
Много в Сасуне удалых бойцов.
Пошли нам бойца, пусть придет сюда,
Есть тут один, уж больно удал.
Убьет его — семь городов тебе».
Был сын у Цыран-Вэрго,
Звался Парон-Астхик.
Сел Парон-Астхик на огневого коня,
Крылатый был конь, по ветрам, по земле
Полетел, помчал, прискакал на бой.
Видит Давид: то Парон-Астхик.
К вечеру пришел, Хандут-хатун
Сказал: «Я завтра не выйду в бой».
Сказала Хандут-хатун:
«Раз не стыдно тебе, выйду в бой сама».
Сказал Давид: «Тогда поклянись:
Как я выйду в бой, ты не ступишь за дверь,
Не отворишь дверь, не отворишь ердик.
Только тогда я выйду в бой».
Сказала Хандут-хатун:
«Хорошо, я останусь, дверь запру,
Буду сидеть и на пяльцах шить».
Встал Давид поутру и помчался в бой.

20

Помчался Давид, до полудня вел бой,
С Парон-Астхиком смертный бой.
Искра от мечей ударила в ердик,
И вот увидала Хандут-хатун:
В горницу к ней ворвался свет.
Сказала: «Что это может быть?

Тучи нет, дождь не идет,
Ночи нет, не блестит гроза».
Не стерпелось тут Хандут-хатун,
Встала, приоткрыла окно, глядит.
Видит: один на огневом коне
Над главою Давида кружит кругом,
Потрясает над ним мечом Авлуни,
Сыплет огнем на его главу.
Ученая, мудрая Хандут-хатун;
Книгу достала, в книге прочла:
Увидала — Давидова дяди сын
Над главою Давида машет мечом,
Огнем в него мечет, над ним кружа,
Ничего не поделает с ним Давид.
Запела, сказала Хандут-хатун:
«Добром ты, дядя, пожаловал нас —
Давиду посыпал огнем главу;
Давиду посыпал огнем главу —
Разорил ты очаг Хандут-хатун».

21

Услыхал ее голос Давид, сказал:
«Эх, пропади ты, женский посул!
Так я и знал, что не стерпишь ты!»
Рассердился Давид,
Нацелил, направил лук-стрелу
Парон-Астхику в живот коня,
Вошла стрела в живот коня,
Из темени всадника вышла вон.
Упал он на'земь, вскричал, сказал:
«Ах, это какой-нибудь родич наш!»
Не был ему знаком Давид.
Давид сказал: «Ты кто такой?»
«Я Парон-Астхик, сын Цыран-Вэрго»

Давид сказал:
«Ослепил я свои глаза!
Обычай наш: кому смерть пришла,
На колено родному кладет главу,
Господу душу свою отдает».
Парон-Астхикову главу
Давид на колено себе положил.
Захрипел, душу отдал Парон-Астхик.
Как отдал душу Парон-Астхик,
Лишился чувств Давид.
Пришли войска Давида схватить.
Давидов конь, жеребец Джалали,
Вокруг Давида ходил,
Не давал Давида схватить,
Пока Давид не пришел в себя,
Не вскочил в седло, не разбил войска.

22

Не пришел в тот вечер Давид к Хандут-хатун.
Решила Хандут-хатун, что убит Давид.
Встала поутру, мужской надела наряд,
Села на коня, оружье взяла, сказала так:
«Поеду, сыщу Давидов труп, привезу, схороню».
Поехала Хандут-хатун.
Ударяла копьем, подымала тела,
Чтоб увидеть ей Патараза крест,
Чтоб узнать по нему Давидов труп.
А Давид, одежду сменив, пришел.
Хандут-хатун он узнал,
Не узнала Давида Хандут-хатун.
Сказал Давид: «Кого ищешь ты?
Тот человек, кого ищешь ты,
Того человека я убил».
Сказала Хандут-хатун:

«Если ты того человека убил,
Мы с тобой сразиться должны.
Или я тебя убью за него,
Или ты убей и меня».
Сошлись они, сразились они.
Давид повалил Хандут-хатун,
Надавил коленями ей на грудь.
Сказала Хандут-хатун:
«О, помилуй меня, ведь женщина я!»
Сказал Давид:
«Я знаю и сам, что женщина ты.
Это тебе за тот будет день,
Когда ты кулаком мне ударила в рот,
Так что кровь у меня с водой пошла».
Сказала Хандут-хатун: «Давид, это ты?»
Сказал Давид: «Да, это я».
«Если так, отпусти меня.
Ты видел, Давид, сорок витязей:
Уже семь лет они там сидят,
Я подарка из них никому не дала,
А как ты пришел, тебе дала.
Давид, отпусти ты меня.
Теперь я жена тебе, ты мне — муж».
Давид ее отпустил.

23

Встали, пришли во дворец Хандут-хатун.
Сказала Хандут-хатун:
«Давид, сядем тут, поедим, попьем, отдохнем».
Сказал Давид: «Нет, мой город — Сасун,
Нет, нам должно поехать 'ко мне в Сасун».
Что было, чего не было, продали все,
Снарядили караван, пошли в Сасун.
Вышла навстречу Чымышкик-султан,

Пришла к Давиду, сказала так:
«Разве я не красива была, Давид?
Сосватали нас, ты меня не любил,
Обошел меня, взял Хандут-хатун.
Идем же, сразимся с тобой.
Или я тебя убью, —
И будем мы вдовы с Хандут-хатун,
Или ты меня убьешь, —
И ляжешь в объятья к Хаидут-хатун».
Сказал Давид: «Чымышкик-султан,
Есть у меня просьба к тебе.
Женщина тут у меня с собой.
Дай, я домой к себе пойду.
А как минется восемь дней,
Я приду, и с тобой сразимся мы».
Сказала Чымышкик-султан:
«Ты Марутской клянись божьей матерью,
Патараза крестом на твоей десной,
Что, как минется восемь дней,
Ты придешь, и с тобой сразимся мы.
Тогда я тебе разрешу уйти».
Сказал Давид:
«Я Марутской клянусь божьей матерью,
Патараза крестом на моей десной,
Что, как минется восемь дней,
Я приду, и с тобой сразимся мы».
Сказал, забрал Хандут-хатун,
Пришел в Сасун.
Как лег в объятья к Хандут-хатун,
Патараза крест и клятву свою
Забыл, — промчалось восемь лет.

Как минул первый год,
Сына Давиду послал господь;
Давид нарек ему имя Мгер.
Что чужим младенцам год расти, то Мгеру день.
Что им месяц расти, то Мгеру час.
Как минул год,
Мгер вышел, в город пошел, гулял;
Тополя к земле пригибал,
Ребят городских на них сажал,
Усаживал их на ствол рядком,
Макушку отпускал.
Макушка-то как прянет ввысь,
Ребят городских, сколько ни есть,
По всем околоткам размечет врозь.
Горожане к Давиду пришли, говорят:
«Ты сынка своего научи уму, —
Он нас детей лишил».
Давид учил, да не слушал Мгер.
Текла под Сасуном большая река.
Как минуло Мгеру восемь лет,
Построил он мост на той реке.
Когда люди шли через этот мост,
Мгер выходил, людей колотил, говорил:
«Собачьи сыны, я построил мост,
Да строил не для вас.
Не вам ходить через этот мост!»
Вороча'ли люди, шли назад,
Переходили вброд.
Мгер выходил, колотил, говорил:
«Собачьи сыны, я построил мост,
Так строил же для вас.
Чего же вы переходите вброд?
Вас вода унесет, на мою шею грех».
С новой жалобой люди к Давиду пришли.

Давид пошел, Мгера прибил,
Ударил его по щеке.
Тут за'ворот сын схватил отца;
Сцепились отец и сын,
Вступили в драку они.
И так они дрались,
Что пыль взвилась, укрыла их;
На них заалела кровь.
Пришли, сказали Хандут-хатун:
«Хандут-хатун, вставай!
Давид и Мгер друг друга бьют».
Встала Хандут-хатун, глядит,
Глядит и видит — что?
Видит она: как две горы
Разойдутся, сойдутся, сшибутся вдруг,
Так сшиблись друг с другом Давид и Мгер.
Не мог бы к ним подступить человек.
Начала звать Хандут-хатун:
«Давид, не бей,
Давид, не бей
Единое малое наше дитя!»
Давид не бьет,
Да только в нем помутился дух,
И со страху ударил Мгера он.
Тогда сказала Хандут-хатун:
«Мгер, не бей,
Мгер, не бей,
Ведь это наш темнобрадый Давид!»
Не стал ее слушать Мгер.
Тогда запела Хандут-хатун:
«Слава тебе, всеблагой господь!
Твоим велениям нет числа.
Повели, чтоб ангел Габрел сошел,
Отца и сына врозь развел!»
Божьей волей ангел Габрел сошел,
Простер руку и сына с отцом развел,
Как если бы два петуха дрались

И кто-нибудь взял и рознял их.
Давид вскричал, сказал:
«Мгер! За то, что ты дрался со мной,
Устыдил меня посреди чужих,
К сладчайшему богу я зову,
Чтоб вовек от тебя не рождался сын,
Чтоб ты смерти не знал до христова суда».
Повелел господь, —
Ангел жилу у Мгера исторг из спины,
Чтобы сын от него не родился на этой земле.

26

Он сказал проклятье, домой пошел.
Когда подрался с Мгером он,
На нем заалела кровь.
Сказал: «Хандут-хатун, принеси воды».
Давид скинул платье, помыться хотел,
Упал его взгляд на десную его:
Патараза крест почернел на десной.
Сказал: «Хандут-хатун,
Голову мне не Мгер разил,
Патараза крест разил меня.
Жена, я пойду к Чымышкик-султан.
Клялся — восемь дней, восемь лет прошло.
Жена, я пошел».
Сказал, вскочил на коня Джалали,
Поскакал ко дворцу Чымышк.

Валерий Брюсов

К армянам

Да! Вы поставлены на грани
Двух разных спорящих миров,
И в глубине родных преданий
Вам слышны отзвуки веков.
Все бури, все волненья мира,
Летя касались вас крылом, —
И гром глухой походов Кира,
И Александра бранный гром.
Вы низили, в смятеньи стана,
При Каррах, римские значки;
Вы за мечом Юстиниана
Вели на бой свои полки;
Нередко вас клонили бури,
Как вихри — нежный цвет весны, —
При Чингиз-Хане, Ленгтимуре,
При мрачном торжестве Луны.
Но, — воин стойкий, — под ударом
Ваш дух не уступал Судьбе;
Два мира вкруг него не даром
Кипели, смешаны в борьбе.
Гранился он, как твердь алмаза,
В себе все отсветы храня;
И краски нежных роз Шираза,
И блеск Гомерова огня.
И уцелел ваш край Наирский
В крушеньях царств, меж мук земли:
И за оградой монастырской
Свои святыни сберегли.
Там, откровенья скрыв глубоко,
Таила скорбная мечта
Мысль Запада и мысль Востока,
Агурамазды и Христа, —
И, — ключ божественной услады,

Нетленный в переменах лет, —
На светлом пламени Эллады
Зажженный — ваших песен свет!
И ныне, в этом мире новом,
В толпе мятущихся племен,
Вы встали — обликом суровым
Для нас таинственных времен.
Но то, что было — вечно живо!
В былом — награда и урок.
Носить вы вправе горделиво
Свой многовековой венок.
А мы, великому наследью
Дивясь, обеты слышим в нем…
Так! Прошлое тяжелой медью
Гудит над каждым новым днем.
И верится, народ Тиграна!
Что, бурю вновь преодолев,
Звездой ты выйдешь из тумана,
Для новых подвигов созрев,
Что вновь твоя живая лира,
Над камнями истлевших плит,
Два чуждых, два враждебных мира
В напеве высшем съединит!

1916 г.

К Армении

В тот год, когда господь сурово
Над нами длань отяготил,
Я в жажде сумрачного крова,
Скрываясь от лица дневного,
Бежал к бесстрастию могил.
Я думал: божескую гневность
Избуду я в ночной тиши:
Смирит тоску седая древность,
Тысячелетних строф напевность
Излечит недуги души.
Но там, где я искал гробницы,
Я целый мир живой обрел.
Запели в сретенье денницы,
Давно истлевшие цевницы,
И смерти луг — в цветах расцвел.
Не мертвым голосом былины,
Живым приветствием любви
Окрестно дрогнули долины,
И древний мир, как зов единый,
Мне грянул грозное: Живи!
Сквозь разделяющие горды
Услышал я ту песнь веков,
Во славу благостной природы,
Любви, познанья и свободы,
Песнь, цепь ломающих рабов.
Армения! Твой древний голос —
Как свежий ветер в летний зной!
Как бодро он взвивает волос,
И как дождем омытый колос,
Я выпрямляюсь под грозой!

9 декабря 1915 г.

notes

Примечания

1

Грох — буквально: писец, вероятно, имя языческого бога (может быть, тождественно с именем Тира).

2

Марут — гора; Патараз — вероятно, имя языческого бога.

З

Ердик — верхнее окно (на плоской крыше).

4

Вьючный мешок.